

*9 ИЮЛ 39 8

СПЕКТАКЛИ ЯРОСЛАВСКОГО ТЕАТРА В МОСКВЕ

Среди периферийных театров, приехавших этим летом в Москву, а приехало их много, пожалуй, даже чрезмерно много, Ярославский театр выделяется какой-то особенной искренностью, любовью ко всему, что делает, за что берется. Если бы к этой самоотверженной любви к искусству, к этой идейности, к этому энтузиазму прибавить высокое мастерство, культуру и соответствующее оснащение, Ярославский театр мог бы стать не только первым в области, но и одним из крупнейших периферийных театров в республике.

Но пока что, судя по просмотренным спектаклям, в Ярославском театре имеются весьма скромные технические возможности и небольшой сравнительно творческий коллектив. Вот почему, например, замечательная сцена Полтавского боя («Петр I») и массовые сцены в «Городе на Волге» выглядят в театре бедно и жидко, а некоторым артистам театра, способным и трудолюбивым, приходится играть роли, мало подходящие к их творческим возможностям.

Взять хотя бы Исаева. Мы хорошо помним артиста по работе в Москве — в театре под руководством Завадского, Госцентрузе и театре им. Ермоловой. У Завадского в «Волках и овцах» он играл Горещкого. Это было оригинально, свежо, непосредственно. У золотника Горещкого артист нашел новые черты и сумел интересно показать их. В ярославских гастролях Исаев играет Алексея в «Петре I», Ромео в шекспировской трагедии и Дульчина в «Последней жертве». Какой нужно располагать широтой актерского диапазона, чтобы хорошо сыграть все эти три роли! Правда, Черкасов ухитряется играть и кино Алексея и в театре Петра, но это исключение. Исаев такими возможностями не обладает. Он хорошо играет парвенча Алексея — хищного, лицемерного реакционера, озлобленного предателя, изменника и яловорщика. Меньше удается ему Ромео. Но все же это понастоящему молодое, темпераментно и искренно. Зато Дульчин не получается у Исаева никак. Ну какой же это Дульчин? Почему все женщины в него влюбляются?

Где, наконец, это поединки с Прибытковым, где борьба денег «умных» с «бешеными»? Что общего между мальчишней хлестаковской толпой, показанным на сцене Ярославского театра, и хищником волчьей породы, потерявшим совесть и состояние, хлыщом и прохвостом, жувром и мотом, красавцем Дульчиным, увидя которого в саду купеческого клуба вдова Пивокурова откровенно кричит: «Ах, какой мужчина!»

В весьма трудном положении оказалась и молодая, несомненно талантливая артистка Волкова, выступившая во время гастролей в ролях Боровской («Город на Волге»), кормилицы («Ромео и Джульетта») и Глафиры Фирсовны («Последняя жертва»). Над шекспировской кормилицей в «Ромео и Джульетте» Волкова, видимо, немало потрудились. Образ получился яркий и убедительный. Однако сводница местами берет в нем верх над любящей свою воспитанницу нянькой. Когда в одной из последующих постановок Волковой дали роль Глафиры Фирсовны, она, как нам кажется, раньше всего вспомнила шекспировскую кормилицу. Так Шекспир, нарядившись москвичом, проник в комедию Островского, а Глафира Фирсовна стала сводней, грубоватой и темпераментной, хитрой и ловкой в своем ремесле. Кажется, вот-вот Глафира Фирсовна возьмет веревку и предложит Флору Федулычу опуститься по ней в опочивальню Юлии. Волкова не владеет тайной диалога Островского, ей незнаком говор московских просвирен, она не застала О. О. Садовскую, лучшую исполнительницу Глафиры Фирсовны. Артистка по-своему строит образ; это спорно, но интересно. Что же касается роли Боровской, то она никак не удалась Волковой. Не помогли актрисе даже такие сильнодействующие средства, как цыганский романс и черкеска, в которую одевается по ходу пьесы Боровская в одной из картин.

Ярославский областной драматический театр им. Волкова приехал в Москву, окрыленный успехами и признаниями. Сезон в Ярославле прошел у него в этом году достаточно удачно. Театр поставил Шекспира и Островского, Алексея Толстого и молодых драматургов Назарова и Хардина. На смотре театров Ярославской области волковцы заняли первое место — ими получено переходящее красное знамя областного комитета партии и обкомполкома. Шекспировская конференция в Яро-

славле весьма одобрительно отзывалась о спектакле театра им. Волкова «Ромео и Джульетта» (режиссер Д. М. Манский), где, кстати сказать, артистка Малинская пленительно играет Джульетту в первой части роли и несколько слабее во второй — драматической.

Московские спектакли Волковского театра проходят, по отзывам лиц, видевших эти же спектакли в Ярославле, несколько слабее, чем «на родине». Это понятно. Новая сценическая площадка, новая аудитория, волнение артистов. Но беда не в том, что «Последняя жертва» (в целом спектакль неплохой) шла в преувеличенно замедленном темпе, а танцующие дамы и кавалеры в «Ромео и Джульетте» расходились с оркестром; здесь можно сослаться на условия гастрольных выступлений. Беда в том, что театр недостаточно тонко чувствует и передает стиль исполняемых произведений. В Шекспире нет-нет да и зазвучит Островский, а в Островском вдруг появляется Тургенев.

Театр (режиссер Л. Л. Полонский) и исполнительница (Чудинова) явно идеализируют Юлию из «Последней жертвы». Идеализация эта заходит столь далеко, что моментами Юлия кажется ближе к Тургеневу, чем к Островскому. Юлия Островского грузнее, черноземнее, проше, практичнее той салонной, чуть-чуть жеманной дамы, которую изображает Чудинова. Влюбленная в Дульчина, Юлия не забывает даже в чаду вдовьей страсти брать расписки со своего возлюбленного, когда осуждает его деньгами. Какой же тут «салон»? Где тут «благородство»? Конечно, я ему все деньги отдала, — говорит Юлия своей экономке Михевне, — так ведь я не без расчета это сделала: у него имение большое, он его на мое имя запишет, а я ему документы отдам. Вот ми и квиты. А имение-то гораздо дороже.

Когда же обнаруживается, что и любовь и расписки Дульчина-фальшивки, Юлия вызывает к Флору Федулычу: «Флор Федулыч, помогите! Хотя деньги-то бы мне воротить».

Эта реплика должна служить театру ключом к раскрытию образа Юлии. Недаром Островский решительно не хотел от нее отказываться, несмотря на упреки и разговоры режиссеров и критиков, находивших, что эта фраза фальшивко звучит в устах Юлии.

В своем плахе (Юлия — жертва Прибыткова) Чудинова играет хорошо, а в

финале третьего акта (у Островского, это четвертый акт) просто отлично. В лице Чудиновой Волковский театр имеет сильную, интересную актрису, владеющую даром перевоплощения, в чем нас особенно убеждает ее Екатерина в «Петре I».

Вообще же с Островским Волковский театр обошелся недостаточно почтительно: из комедии выкинут весь третий акт. Ссылка на то, что, мол, третий акт никак не обогащает образы основных персонажей пьесы, совершенно не основательна.

Не напрасно Волковский театр поставил пьесу молодых драматургов Назарова и Хардина «Город на Волге». Поэтическое значение ее весьма существенно. Тема пьесы — белогвардейский мятеж в Ярославле в 1918 году. В «Городе на Волге» есть несколько ярких фигур и интересные сцены. Исключение составляют сцены с китайцем Ван и опор бойцов в последнем действии. Это — перемены давно известных пьес и к тому же мало удачные.

Из исполнителей «Города на Волге» прежде всего хочется отметить артиста Лютковского, который вдумчиво, мягко, просто, с большой внутренней силой и человечностью играет роль военного комиссара Давидсона. Мне особенно запомнилась маленькая сценка, когда Давидсон, стоя ночью у открытого окна и глядя на Волгу, мечтает о счастливом будущем Советской страны. Хорош также артист Соколов (Березняк). Слабее Ромоданов в роли предателя Малинина. Видимо, этот образ не в средствах артиста. Перед этим Ромоданов ярко сыграл в пьесе Алексея Толстого Петра, дав тон всему спектаклю, одному из наиболее удачных спектаклей волковцев — третий вариант пьесы Алексея Толстого, сильный и смелый, поставлен в Ярославском театре в общем хорошо (режиссер Д. М. Манский).

Итого. Молодому, любящему искусство, жизнеспособному, талантливому коллективу Ярославского театра надо критичнее, взыскательнее относиться к своей работе. Надо совершенствоваться, расти и учиться, как учился всю свою жизнь ярославец Волков, этот театралыный Ломоносов, получавший жалованье 100 руб. в год в столько же расхоловавший на приобретение книг, учебников и пьес. Не снижая энтузиазма, волковцы должны совершенствовать свое мастерство.

ВИКТОР ЭРМАНС